

Ю. В. Зобнин¹

«КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...»: «РУССКИЙ ПРОЛОГ» К ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛИЗМА (Предварительные заметки)

Позитивный пафос идеи глобализации — стремление человечества к устройению *общего* бытия на единых, разумных, справедливых и мирных нравственных, политических и экономических основаниях — не был чужд российской литературно-общественной мысли начиная с XVIII века, когда, по словам протоиерея В. В. Зеньковского, здесь окончательно утвердился порожденный петровскими реформами «секулярный национализм, соединенный с гуманизмом»². «Уже не “святая Русь”, а “Великая Русь”, — пишет Зеньковский о «первых значительных русских поэтах XVIII века», Ломоносове и Державине, — вдохновляет их; национальный эпос, упоение величием России относятся всецело к эмпирическому бытию России вне всякого историко-философского обоснования»³.

Упомянутый В. В. Зеньковским отказ «петербургской» интеллектуальной и творческой элиты от «московской» историко-философской мессианистской мистики («Два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому не быть»), восприятие постпетровской России как субъекта *политического*, а не провиденциального действия вовсе не означало отказа от мессианизма как такового. По крайней мере, «петербуржцы» никогда не мыслили свою «Великую Русь» отчужденно от европейской и — шире — мировой цивилизации. Напротив, эта новая Россия виделась им созданной волею Петра Великого *сверхдержавой* и в таком качестве не могла выстраивать свою идеологию иначе, как в «глобальных» категориях. Характерно, что уже в ранних стихах В. К. Третьяковского формируется особый взгляд на Россию, «через страны дальны»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
(«Стихи похвальные России»)

Величие страны, ее «сила» и «обильность» осознаются поэтом *в сопоставлении со странами «старой» Европы*. На этом фоне выявляется и ключевой для стихотворения образ «*России-надежды*»:

Виват, Россия! Виват, драгая!
Виват, надежда! Виват, благая!

Таким образом, Европа в глазах Третьяковского (и его современников) «богата прошлым», тогда

¹ Заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных трудов, в т. ч. монографий: «Николай Гумилев — поэт Православия», «Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии», «Д. С. Мережковский: жизнь и деяния», «Поэзия белой эмиграции» и др.

² Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 94.

³ Там же.

как Россия «богата будущим», она несет старым цивилизациям нечто «новое», что позволяет *надеяться* на нее...

В Екатерининскую эпоху огромную роль в кругах отечественной творческой элиты играли европейские социальные утопии, основанные на отвлеченной от национального бытия *идее «общего блага»*. «...В журнале Новикова “Утренний свет” <...> был помещен перевод утопической сказки о Троглодитах из “Персидских писем” Монтескье. Историк и публицист Екатерининского времени Щербатов <...> написал собственную утопию — “Путешествие в Офирскую землю”, где он изобразил свой идеал будущего России <...> вдохновлявшийся Фенеллоном, утопиями Морелли (“Базилиада”), Мерсье (“2440-й год”) <...> Наконец, с утопической сказкой встречаемся мы и в “Путешествии” Радищева...»⁴ К этому следует добавить и масонский миф об ожидающем человечество «золотом веке», популярный среди русских просветителей — того же Н. И. Новикова и И. Г. Шварца.

Утопическая социальная «мечтательность» сохранялась и в кругах литературной петербургской молодежи декабристской эпохи. Так, А. С. Пушкин, вернувшись в 1826 году из Михайловской ссылки, беседовал среди своих столичных друзей с Адамом Мицкевичем «*о временах грядущих*»:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
(«Он между нами жил...»)

Ранее, в 1821 году, сам Пушкин, откликаясь на известие о кончине Наполеона, завершает стихотворение парадоксальным до невероятности (тем более в устах автора «Воспоминаний в Царском Селе» и «Вольности») утверждением:

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.
(«Наполеон»)

Достоевский в своей знаменитой речи 1880 года недаром говорил о «двух главных мыслях», соединенных в Пушкине и заключающих в себе «образ всего будущего назначения и всей будущей цели России»: «Первая мысль — *всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. <...> Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только

⁴ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 90.

народе обретем мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его»¹.

Следует добавить, что и для самого автора пушкинской речи «нравственный идеал <...> есть одновременно и идеал общественный: ничем иным и быть не может стремление “ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению”. Всемирность и всечеловечность мыслятся как естественная для нации форма ее общественного бытия»².

В пушкинскую эпоху русская историософская мысль переходит от эклектики к попытке создания оригинальной религиозно-философской системы — в творчестве П. Я. Чаадаева. «Глобалистический мотив» здесь настолько силен, что недостаточное понимание его ведет к полному искажению пафоса «Философических писем». Именно это и случилось после публикации первого «Письма» в «Телескопе» в 1836 году: автора единодушно признали «руссофобом» с самыми печальными последствиями как для него самого, так и для редактора журнала Н. И. Надеждина. Между тем, по справедливому замечанию Д. В. Филоосова, П. Чаадаев «любит Россию будущего, а не настоящего и прошлого. <...> Чаадаев стоял за единую общечеловеческую культуру. Это единство он видел в христианстве, не славянофильском, национальном, а вселенском»³. «Чаадаев, — пишет Н. О. Лосский, — пришел к выводу, что бесплодность исторического прошлого России является в известном смысле благом. Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего. Православная церковь сохранила сущность христианства во всей его первоначальной чистоте. Поэтому православие может оживить тело католической церкви, которое слишком сильно механизировано. Призвание России состоит в осуществлении окончательного религиозного синтеза. Россия станет центром интеллектуальной жизни в Европе в том случае, если она усвоит все, что есть ценного в Европе, и начнет осуществлять свою Богом предназначенную миссию»⁴.

Идеи П. Чаадаева были широко востребованы как «западниками», так и «славянофилами». «Поставив вопрос об отношении России к абсолюту и попытавшись решить его, опираясь на силу собственного мышления, Чаадаев предложил тем самым философию русской истории, стал первым русским философом. В этом смысле о нем можно гово-

рить так же, как об А. С. Пушкине: Чаадаев есть *все* нашей мысли, нашей историософии, а через нее — антропологии и социальной философии. Поэтому и поныне делящиеся споры о теоретическом содержании и социальном статусе русской философии: является ли она, по образцу европейской мысли, особого рода знанием или же по преимуществу выражением национального самосознания — это споры также о Чаадаеве — подлинном представителе русской мысли, предложившем в своих сочинениях образец нераздельно-неслиянного единства этих двух природ философии»⁵.

С легкой руки П. Чаадаева как в славянофильской, так и в западнической мысли русского XIX века образ России всегда связывался с неким грядущим глобальным действием, лежащим на грани политики и эсхатологии, — действием, результатом которого и будет в конце концов новая эпоха:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Сущность этого «сверхдействия» России в мировой истории мыслилась славянофилами и западниками по-разному. Крайние точки зрения полнее всего были выражены, соответственно, Ф. И. Тютчевым и В. С. Печериным, так же, как и П. Чаадаевым, сочетавшими литературное дарование с выдающимися интеллектуальными способностями.

Крайний славянофил Ф. Тютчев видел «русский путь» как диалектическое преодоление грубой политической воли и прагматического рационализма, самым ярким воплощением которых в европейской политике второй половины XIX столетия стал политический курс Отто фон Бисмарка:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...

(«Два единства»)

Российская империя, таким образом, должна, подобно империи Германской, создаваемой Бисмарком «железом и кровью», также совершить «бросок в Европу», однако, в отличие от германской имперской агрессии, *агрессия русская (шире — славянская) чудесным образом превратится в триумф мира и любви, переводящий цивилизацию в качественно новое состояние.*

Западник-радикал Печерин видел залогом спасения человечества разрушение России, уход ее в политическое небытие:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрождения!

(«Как сладостно отчизну ненавидеть...»)

⁵ Ермичев А., Златопольская А. П. Я. Чаадаев в истории русской мысли // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 9–10. (Русский путь).

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 199–200.

² Волгин И. Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1991. С. 253.

³ Филоосов Д. В. Апология сумасшедшего // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 323. (Русский путь).

⁴ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 71–72. (Б-ка философа). Именно эта футурология Чаадаева и принималась Н. И. Надеждиным (сосланным за публикацию «антипатриотического» первого «Письма» в Усть-Сысольск и отчаянно пытавшимся оправдаться): «Да! Мы существуем для того, чтобы преподать великий урок миру! Наше назначение — не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации...» и т. д. (см.: Надеждин Н. И. <Два ответа Чаадаеву> // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 93. (Русский путь)).

Здесь высшей «русской ценностью» в мировой истории оказывается не бытие, а не-бытие: Российская империя должна освободить мир от своего присутствия, открыв этим актом уничтожения (или самоуничтожения¹) дорогу всему остальному человечеству к качественно новому, разумному и счастливому существованию.

Разумеется, и у «славянофилов», и у «западников», действовавших в доиндустриальную эпоху, глобальные мотивы предстают как интуиции или даже как пророчества. Объективных исторических предпосылок для процессов глобализации еще не было и в помине, так что даже образ «вселенского» в реальных географических масштабах в этих трудах ограничивался либо Европой и некоторыми регионами Ближнего Востока и Центральной Азии, либо вообще «сжимался» до славянских территорий, лежащих в зоне непосредственных геополитических интересов Российской империи.

Тем поразительнее, что обе указанные интуиции нашли историческое подтверждение в XX веке, когда глобальные тенденции в постиндустриальном мире стали набирать силу.

Так, поход Красной армии в Европу в ходе Второй мировой войны 1939–1945 годов, планировавшийся изначально как агрессивный «экспорт» коммунистической революции, стремящейся утвердиться в мировом масштабе, в реальных обстоятельствах превратился в войну за освобождение Европы от фашизма, которую СССР осуществлял в коалиции с Великобританией и США.

В конечном счете этот поход объективно привел к организации ООН и возникновению в странах Западной Европы и США предпосылок к установлению принципиально новой политической и экономической системы глобальных союзнических взаимоотношений.

А удивившая весь мир мгновенная «самоликвидация» СССР в 1991 году дала «зеленый свет» к созданию единой Европы, в которой добровольно «растворяются» части бывшей советской империи. Думаю, что у любого трезвого футуролога нет никаких сомнений в том, что и Россия в ближайшем историческом будущем растворится в «евростандарте» общечеловеческих ценностей, существенно приблизив тем самым чаемый день.

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Однако, возвращаясь к русским мыслителям, необходимо отметить, что в канун научно-технической революции, когда глобализация из интуитивно воспринимаемой абстракции стала превращаться в конкретную историческую перспективу, новое их поколение — В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, Вяч. И. Иванов и др. — вдруг резко поменяли приоритеты в своих размышлениях о грядущей «великой семье» народов и стали весьма убедительно говорить об *опасностях*, подстерегающих человечество в новом, «едином» качестве...

Впрочем, это уже тема для другого доклада.

¹ С В. С. Печериным неожиданно перекликается В. С. Соловьев, высказавший в известной статье «Русская идея» мысль о том, что призвание России в истории — добровольная и сознательная жертва собственной духовной самобытностью с целью присоединения к Риму, восстановления единства христианской церкви и превращения ее в подлинно вселенскую.